

и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики невозможен. Возможен!»

Посмотрим на объективные результаты столыпинской реформы. Результаты, конечно, промежуточные, ибо проведение её было пресечено. Между 1907 и 1915 годами для покупки помещичьих земель, находящихся во владении Крестьянского банка, крестьянам было выделено ссуд на 421 млн. рублей (напомним, что в это время корова стоила 5–7 рублей, черноработчий-землекоп в пересчёте на курс 1987 года зарабатывал 430 рублей в месяц). При поддержке банка крестьяне приобрели и благоустроили свыше 200 000 хуторских хозяйств. С 1906 по 1910 год крестьяне сверх земель, полученных от общины, приобретают дополнительно свыше 6 млн. десятин.

К моменту реформы в 47 губерниях Европейской России было 14,6 млн. наделных дворов. До 1917 года из этого количества подали заявление о выходе из общины 5,8 млн. домохозяев, то есть свыше 40 процентов от их общего количества. К 1 января 1916 года на земле успели укрепиться 2,3 млн. домохозяев, получивших в общей сложности 26 853 000 десятин земли. Причём из этого количества 15 374 000 десятин приходилось на хутора. Между 1908 и 1915 годами 914 000 единоличников продали свои наделы другим крестьянам. Часть из них переселилась за Урал, часть оставила деревню и переселилась в города. К 1916 году почти 60 процентов наделной, то есть бывшей общинной земли стало личной собственностью крестьян. Плюс 30 миллионов десятин, купленных на личные средства, плюс порядка 60 – арендованных у помещиков.

Какова же была урожайность, скажем, пшеницы после «столыпинского злодейства»? А урожайность с 1906 по 1915 год возросла на 14, а в некоторых местах даже на 25–30 процентов. В период с 1909 по 1913 год русское производство главных видов зерновых превышало на 28 процентов продукцию Аргентины, Канады и Америки вместе взятых. Цены на зерно в Европе в 1904–1914 годах были бы намного выше, если бы русский вывоз не сдерживал аппетиты американских, канадских и аргентинских экспортёров зерна. Можно себе представить, с какой «любовью» следили они за успехами России.

И не случайно впоследствии столыпинские находки тихо-тихо перенимались в других странах – там-то его реформа осуществлялась до конца. Не случайно «тихо-тихо»... «Американская энциклопедия», изданная в Нью-Йорке в 1968 году, уделила Столыпину всего-навсего 14 строк, а о реформе там не упоминается вообще. За двадцать лет до того американский же исследователь Наум Ясный в своём объёмистом труде об истории сельского хозяйства не сказал о реформе ни слова, не упомянул даже имени Столыпина!..

В течение августа-сентября 1910 года премьер-министр вместе с А. В. Кривошеиным объезжают землеустроительные районы в Западной Сибири и Поволжье. Одно из следствий этой поездки – увеличение ввоза из-за границы улучшенных пород племенного скота и птицы, содействие в возведении новых жилищ и хозяйственных построек путём льготного или бесплатного отпуска лесных материалов, резкий рост числа слушателей сельскохозяйственных чтений (с 1906 по 1914 год оно выросло с 46 тысяч до 1,6 миллиона человек). Следствием был и ввоз в 1913 году первых тракторов (кстати, по свидетельству Ф. Я. Шипунова, в те годы Россия обладала половиной всего мирового табуна лошадей, а энерговооружённость 1913 года была достигнута нами лишь к 1970-м годам).

«Столыпин и Кривошеин не меньше самих «переселенцев» дивились и радовались их привольной, здоровой, удачной жизни на новых местах, их добротным заимкам и сёлам, даже целым городам, где три года назад не было ни человека, их весёлой спорой

работе уже с первыми плодами наживы и прибýtка, с нескудным лесом, охотой и рыбной ловлей... И это лишь за четыре начальных года, когда сбор хлеба поднялся до четырёх миллиардов пудов». Здесь приведена цитата из Солженицына, но чувством этим проникнута и объёмистая записка, составленная Столыпиным и Кривошеиным сразу после возвращения в Петербург. Столыпин ставит и решает триединую задачу: организация местного землеустройства, прокладка железных и грунтовых дорог, подготовка для переселенцев достойных условий существования.

В 1910 году начался массовый выпуск так называемых «столыпинских вагонов». От обычных они отличались тем, что задняя их часть представляла собой помещение во всю ширину вагона, предназначенное для крестьянского инвентаря и скота. Зловещую славу «столыпинские вагоны» получили много позже, после смерти самого Столыпина... Успели проложить и 11 500 вёрст грунтовых дорог. Организовали 416 врачебных и фельдшерских пунктов в «районах водворения». 130 врачей и 684 фельдшера принимали до 1 357 000 человек ежегодно. Всего с 1906 года до революции в Азиатскую Россию переселилось более четырёх миллионов человек. К 1912 году им было отведено за Уралом 31 080 000 десятин земли.

Вот некоторые практические итоги реформы.

В 1912 году было вывезено в Англию масла на 68 млн. рублей, что превышало (в рублях) в два раза стоимость годовой добычи сибирского золота. Потребление мяса (без учёта экспорта) в 1913 году составило 88 кг на душу населения. При этом в Москве – 87, Петербурге – 94,1, во Владимире – 107,5, в Вологде – столько же, в Воронеже – 147,7 (в США, к примеру, к 1990 году – 120).

Министр земледелия А. Н. Наумов 18 февраля 1916 года выступил перед депутатами 4-й Думы. Он, в частности, сказал: «В империи имеется до 900 млн. пудов избытка главных хлебов. Другими словами, у нас имеется излишек не менее одной трети годовой потребности». Как пишет сын Столыпина, Аркадий Петрович, живший в Париже, «эти 900 млн. пудов избытка – пожалуй, последнее, что отец завещал России». И не ими ли питалась молодая Советская республика до 1919 года, когда впервые явился в истерзанной братоубийственной войной стране призрак голода, унёсший миллионы и миллионы потомственных хлебопашцев?

Приступим ко второму мифу, связанному с понятием «столыпинский галстук». Сначала о его происхождении.

Ярлык этот «явил миру» на заседании Думы 17 ноября 1907 года депутат от Твери Родичев, критикуя меры правительства по пресечению беспорядков. Ещё за год до того Столыпин, отвечая на сокрушительную критику и предложения «либерально разоружиться», отвечал: «Нельзя сказать часовому, стоящему на посту: у тебя старое ружьё, брось его. Часовой должен ответить: «Пока я на посту и мне не дано нового оружия, я буду стараться действовать как можно лучше старым»». В устах Столыпина это звучало весомо. А судя по опубликованной стенограмме заседания 17 ноября 1907 года, Родичев сказал следующее: «...в то время, когда русская власть в борьбе с эксцессами революции видела только одно средство... в петле, которую г. Пуришкевич назвал муравьёвским воротником, а потомок г. Пуришкевича, быть может, назовёт столыпинским галстуком...» Думская аудитория на миг онемела от столь очевидного «перебора», а затем на Родичева обрушился шквал выкриков: «Долой! Вон!» Группа возмущённых депутатов даже грозно двинулась к трибуне с поднятыми в гнев руки. Президиум, а затем министры в знак возмущения покинули зал. Родичев принёс личные извинения Столыпину, находившемуся тут же, затем, взойдя на трибуну, сказал: «Я беру свои слова назад. Я не имел намерения оскорблять ни Государственную думу, ни тем более председателя

